

АНДРЕЙ АРИСТОВ



ОХОТА

РАССКАЗ

Лесная дорога, заросшая прутьяком, уходила в ельник, сырой по весне. Ваня Корюгин, нагруженный тяжелым рюкзаком, чавкал сапогами по лужам, шел, спотыкаясь о корни и заметно покачиваясь. В рюкзаке глухо позвякивало. Он шел в село не без сомнений, даже доза вышитого не прибавляла смелости. Но пацаны сельские приставать не стали, один даже на мотоцикле подбросить хотел, развезет, мол, не дойдешь. Но шесть нелегких километров обратного пути уже остались за спиной, скоро речка Ельцовка, а там и до избы рукой подать. Эх, дороги! Кто же такое придумал, что за вином всегда бегают самый молодой?

Ладно, повыветрило хмель-то из башки немного, пока шел. И далась же ему эта компания! Опять же ехать одному — ни то ни се, сплошная маета. Пропотел — хорошо! Так вино скорее выйдет. Эх, в баньку бы еще!

— Какие тебе озера? — шумел в избе Антон. — На ногах еле стоишь, а еще на лодке кататься придумал. Давай чуток проспимся, сходим вечером на тягу.

— Ниче-е! — возражал друг его Сергей. — На озерах селезня — про-рва! Пошли давай, в дороге проветримся, все будет лады. А-а, вот и Ванька пришел!

— А где Миша с Данилом? — спросил Ваня, снимая тяжелый рюкзак.

— Шалашки на косачей в поле ставят. — Друзья набросились на рюкзак с бутылками, как стервятники... Насилу дождались...

— Во-о, Ивашка, молодец! — загудел здоровяк Данил. — Строили шалашки, так сушняк такой замучил, прямо смерть. Все лужи выпили, пока шли.

АРИСТОВ Андрей Юрьевич родился в 1980 году в Кирове (Вятка). Окончил Вятскую государственную сельскохозяйственную академию. Работал охотоведом в районах Кировской области. В настоящее время — журналист. Живёт в Кирове.

— Ну да, прям с лягушачьей икрой...

— Ха-ха-ха!

Тут же уничтожили бутылку и ополовинили другую. В это время кто-то постучался в избу.

— Кто идет?

— Свои!

— Да то ж Григорий! Проходи, дядя Гриша!

Дядя Гриша вошел — худощавый, седой, в телогрейке и штанах с заплатами, борода почти начисто острижена, на длинном носу — очки-консервы. Поздоровался, сел на лавку.

— Спасибо, ребята, пить не буду. На минутку заскочил посмотреть, как вы живете.

— А далеко ли направляешься, дядя Гриша?

— К себе на избушку. Там отдохну. Один.

Подумал и добавил:

— А впрочем, и не один. Вот ты, к примеру, Ваня, не хочешь ли со мной пойти? Помощник нужен избушку подконопатить.

Ваня втайне ждал такого приглашения и тут же с радостью согласился. Старшие товарищи, правда, заворчали:

— Ну, ну! Куда ж ты, Ванька? До той избушки — тыща верст, умрешь, пока дойдешь, с похмелья. Да и только что ведь с дороги...

— Да отпустили бы, раз хочет, — стал полегоньку настаивать Григорий. — Мы тихонечко пойдём.

— Дойду, — уверенно заявил Ваня.

Старшие еще немного поспорили и согласились. Ваня встал из-за стола и, хотя его изрядно покачивало, стал собираться в поход. Да и всех сборов-то — обуться да подпоясаться! Он надел рюкзак, патронташ, взял свое ружье, махнул друзьям рукой — не поминайте лихом! — и вышел из избы вслед за Григорием.

Нелегко ему было поспевать за старым охотником. Тропинка убегала из-под ног, творила всевозможные подвохи в виде корней и упавших деревьев. Григорий терпел, однако, все эти неудобства. Знал, что делал, сманивая парня в лес.

Шли долго-долго дремучим лесом. Понемногу за вечерело. Григорий поглядел на часы:

— К половине девятого успеем.

И снова леса — то низинка с ельником, то сосновый пригорок. Тропинка, попетляв по дебрям, вывела охотников к ручью, на болотистые луга, покрытые кочками и высохшей травой. Григорий остановился, послушал чего-то и сказал Ване:

— Встань во-он у того куста. Там весь вальдшнеп идет. Я отойду метров на сто. Как голова-то?

— Мутит, — признался Ваня.

Солнце кануло за лес. Ваня старательно прислушивался, пытаясь уловить заветный голос борового кулика, но слышал только стрекотание дроздов, бляение бекаса в небе, далёкое бурлюканье косачей, верещанье разной птичьей мелочи да шум в собственной голове...

Крепко схватил одностволку, уловив отдаленное “вап-вап-вап”. Как будто жаба урчит в болоте — и пронзительное “цик”. “Вап-вап-вап-цик”. Подлетает. И до чего же быстро!

Вальдшнеп заложил плавный вираж над луговиной. Ваня прицелился, взял упреждение... Бах! Кулик встрепенулся, но тут же выправил полет и с тем же призывным “вап-вап-вап-цик” поспешно скрылся в лесу.

Не попал... Кружит голову... Ваня перезарядил ружье, и тут же до его слуха донеслось: “Бах-х! Бу-у!” Многократно прокатилось по лугу эхо.

“Взял, конечно, Григорий”, — подумал Ваня, и совсем где-то рядом в сумерках раздалось внезапное “Цик! Вап-вап-вап-цик”. Ваня вскинул ружье, высмотрел налетающего вальдшнепа, вынес мушку вперед... Главное — не останавливаться, вести ружье. Удар!

Птица вдруг свернулась в пушистый комок и упала в траву. Через мгновение Ваня уже стоял на коленях, держа в ладонях долгоносого ржаво-пес-ного кулика. Сердце прыгало от волнения. Попал!

Опять стрелял Григорий. Ваня впопыхах забыл перезарядиться и пропустил без выстрела сразу двух вальдшнепов, которые, пронзительно цыкая, гнались один за другим. Потом он стрелял еще три раза, но все мимо. Когда порядком затемнело, явился Григорий с двумя вальдшнепами:

— Ну как, Ваня, взял?

— Взял.

— Ну, с почином, стало быть!

Ваня трезвел. “Начало хорошее, — думал он, — вот только завтра бы не стало худо”.

До избышки добрались уже ночью, часов в одиннадцать. Григорий зажег фонарик:

— Вот и пришли. Только спать, наверное, не придется: через три часа — на глухариний ток. Выдержишь?

Ваня не был уверен, но высказал готовность идти хоть на край света.

Охотники затопили печку, разогрели взятые с собой харчи и после ужина прилегли на нары. Остатки хмеля, упираясь, все-таки покидали Ваню, и это его радовало: еще бы, снова стать сильным! А ноги гудели.

Он проснулся сам. Зажег спичку, посмотрел на часы: пора!

Ваня слез с нар, нащупал штаны и портянки... Но почему так тихо? Где Григорий?

Старый охотник сидел на завалинке, смотрел на черный лес, на небо, которое помаленьку затягивалось облаками. Тёмно-серые лохмотья ползли над лесом, звёзды мерцали и гасли.

— Дождик, наверное, будет, — заметил Григорий. — Что, Ваня, готов?

— Готов.

— Ну, тогда выпьем чаю да пойдем.

По едва намеченной тропинке охотники углубились в лесную чащу. Лес лечил, если в начале ночного пути Ваня еле волочил ноги, то к концу размялся и шел достаточно бодро. Григорий поднял руку:

— Все! Стоим, слушаем.

Наверху, в вершинах сосен, гулял ветер, дятел выбил первую дробь, сонно запищала ранняя синица... Было всё ещё темно.

— Стреляй сам, — прошептал Григорий, — на мою путёвку. Не зря же сюда шёл! Да не благодари, птицу распугаешь...

Звонкий щелчок — как кость о кость — раздался где-то в тёмной чаще. За ним другой и третий... Ваня знал, кто издаёт эти звуки. Молча переглянулся с Григорием. Они прошли, стараясь не шуметь, немного вперёд. “Всё, теперь только под песню”, — чуть слышно прошептал Григорий.

Глухарь защёлкал бодрее. Где-то в стороне вовсю щёлкали ещё два или три петуха: “Тэке! Тэке! Тэке!” А ближний петух расцелся. Он щёлкал всё быстрее и быстрее, его щелчки слились в короткую дробь, и наконец раздалось то заветное скирканье-щебетанье, во время которого глухарь, запрокинув голову, перестаёт что-либо слышать. Под первое скирканье охотники не сделали ни шагу: пусть распоётся как следует. Они делали в потемках по два-три прыжка, стараясь остановиться прежде, чем глухарь закончит скрежетать. Ветки в лицо, пни-валежины, тьма — всё это были мелочи... Перелезая через громадную буреломину, Ваня нашумел. Глухарь замолчал.

“Пиши пропало, сейчас улетит!” — подумал он.

Григорий замер рядом в неудобной позе, скрадывая даже своё дыхание. Отчётливее стали слышны песни соседних глухарей.

Что-то ворочнулось в ветвях одной из ближних сосен. “Ворочается, слушает!” — у Вани отлегло от сердца. Он не помнил, сколько времени прошло, прежде чем снова раздалось близкое, такое звонкое и отчетливое “тэке!”

Глухарь не спешил распеваться, а в лесу уже заметно начало светать. Наконец петух защёлкал чаще, задробил и вновь заскиркал-защебетал.

Перебежки охотников стали короче. Вот, кажется, и то самое дерево. Мутно вырисовывается крона в ранних сумерках на фоне облаков. Но глу-

харя совсем не видно. А он щёлкает-скрипит где-то в гуще хвои, время от времени прислушивается: не идёт ли кто? Всё в порядке, уже пришли...

Ваня смотрел-смотрел, глаза мозолил, но долго ничего не мог увидеть. Может, глухарь где-то там, за стволом? Стоп! Движение! Силуэт большой птицы обозначился в сплетении ветвей. Ваня отвёл глаза и зажмурился. Во второй раз глухаря разглядеть было намного легче. Светало.

Охотники приблизились ещё. Ваня присмотрел себе маленькую сосенку, которую можно было использовать и для маскировки, и для упора при стрельбе. Подскочил под песню к ней, остался на подстраховке, чуть поодаль. Стрелять было всё ещё очень рискованно.

Ваня любовался птицей. Вот она замерла, прислушиваясь, вот подняла голову: “Тэке-тэке-тэке!” Чаще, чаще, и наконец заветный стрёкот — голова запрокинута, видно даже оттопыренную бородку из перьев. Хвост — веером, крылья пообвешены, горло дрожит... Глухарь закончил петь, весь подобрался, повертел головой — и снова “тэке”!

До чего же мучительно ждать! Ваня закрыл глаза и стал считать до трёхсот. Нет, ещё темновато. А вдруг улетит?

Ладно, ещё раз до трёхсот. Открыл глаза, постоял немного, навел под песню ружьё. Пора! А то увидит. Жаль немного, конечно, но ведь во многих странах глухаря стреляют только весной на току...

Грянул выстрел, брызнула скошенная дробью хвоя. Глухарь заполоскался, покачнулся на ветке, но не упал, а вдруг полого полетел к земле, обвесив зад. Сердце упало: “Ушел!” Но тут левое ухо Вани заложил мощный дуплет Григория. Посыпались новые ветки, о землю глухо ударилось: “Бум!”

Ваня бросился на место падения. Вскоре он опустился на колени, разгладил чёрное в белую крапинку оперение лесного петуха, ощутил его мягкое тепло. Поднял глухаря за лапы: тяжёл! Всё, теперь не шуметь — ток распугаем. А сердце готово выпрыгнуть через уши...

К Григорию Ваня вернулся довольный: в одной руке ружьё, в другой — тяжёлая добыча. Старый охотник сидел на валежине — оружие рядом, руки свешены. Напряжённое выдалось утро. Сказал:

- Поздравляю, Иван! Попал хорошо, только ветки, наверное, помешали.
- Да что я... Без ваших выстрелов ушёл бы...
- Недалеко. Ты словил бы. Ветки помешали, я же вижу.

Обратно шли не торопяся. “Я из этого глухаря чучело сделаю”, — говорил Ваня.

Они остались в избушке ещё на четыре дня. Сходили за глиной и подновили печку, принесли мха и подконопатили щели. Отстояли тягу, охотились и на селезней. Сняли шкурку с глухаря, а мясо съели.

— Что же вы теперь домой-то понесёте, дядя Гриша? — сокрушался Ваня.

— Селезня-другого стрельну поближе к дому, мне и хватит, — беззаботно отвечал Григорий. — А так мясо бы прокисло, дни-то тёплые стоят.

...Сергей и Антон дремали в избе, коротая часы до вечерней охоты. Изаба вся загажена, но оба постояльца — трезвые. За таким времяпрепровождением их и застали Ваня и Григорий, когда вернулись из своего неблизкого похода. Ваня совсем выздоровел в лесу и дальнюю дорогу одолел легко.

Григорий поинтересовался, куда девались Миша и Данил.

— Прогнали Мишу мы домой, — сказал Антон. — Нашлся сверх всякой меры, на Серёгу накатил за просто так, чуть из ружья нас не убил — вон тут стрелял, смотрите, дырки на стене. Ну, Данил кабан здоров, куда как пьян, а всё-таки скрутил его... Вместе с Мишей и уехал — урезонить, если что.

Вот так у них и кончилась охота.

— Зато теперь спокойно, — сказал Сергей.

— А взяли ли чего?

— Серёга селезня да я чирка, — сказал Антон.

— Ну что ж, товарищи, разрешите мне тут с вами денек-другой покантоваться, — Григорий уже прикидывал, с чего начать уборку.

— Да пожалуйста! Ого! А это что?

Ваня выложил шкурку глухаря:

— А это трофей!

Сергей и Антон бросились разглядывать его, расправляли огромные крылья глухаря, черный в белую крапинку хвост, любовались металлическим блеском зеленовато-черной шеи, алыми бровями и мощным костяного цвета клювом, который сохранил еще зеленоватый налёт от склёванной некогда хвоя...

— Вот ведь тоже пьяницы-пропойцы! Какую дичь зеваем!

— Ничего! Ещё на тетерева сходим.

— Во-во, пора! Три дня осталось.

А Ваня смотрел на них и думал, что старшие его товарищи и так уже получили то, чего хотели. Охота ведь она и есть, что кому охота. И он, Ваня, тоже получил то, о чем мечтал.